НАШЕ

ПОЛОЖЕНІЕ

(Unsere Lage)

ИЗДАНІЕ АВТОРА

1894 г.

225468

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

Начавшееся царствованіе становится сразу лицемъ къ лицу съ тѣми задачами, какія поставлены были тринадцать лѣтъ назадъ, при вступленіи на престолъ Александра III-го.

Бѣдность крестьянства, изнуряемаго подагами и почти закрѣпощеннаго паспортной системой и круговой порукой, не только не уменьшилась, но возросла. Работами земскихъ статистиковъ поставлено внѣ сомнѣнія, что голодъ 1892-го года былъ не послѣдствіемъ одного случайнаго недорода, а необходимымъ звеномъ въ цѣлой цѣпи причинъ, въ которой уменьшеніе числа рабочаго скота и соотвѣтственно района обработки играетъ далеко не послѣднюю роль. Искусственное развитіе фабричнаго производства, благодаря таможеннымъ пошлинамъ, тягость которыхъ падаетъ на потребителей и тормозитъ успѣхи агрономіи, послужило только къ обогащенію немногихъ промышленниковъ и ни мало не улучшило участи рабочаго люда. Такъ какъ послѣдній вербуется изъ среды крестьянъ-общинниковъ, то капиталистамъ предоставилась возможность уменьшить заработную плату даже ниже уровня необходимыхъ средствъ существованія. Недостача, пополняемая въ Англіи налогомъ въ пользу нищихъ, покрывается у насъ доходомъ отъ мірскаго надѣла. Развитіе крупной промышленности сразу было остановлено конкуренціей иностранныхъ капиталовъ, которымъ нужно было только перейти границу, чтобы въ Лодзи, пользуясь защитою тарифа, оказать отпоръ московскимъ и кіевскимъ заводчикамъ и мануфактуристамъ. И все же соединеннымъ усиліемъ великорусскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ капиталистовъ удалось уже нанести существенный вредъ нашимъ кустарнымъ промысламъ; тамъ гдѣ прежде могло имѣть мѣсто широкое предложеніе домашнихъ холстовъ, — продаются нынѣ ситцы Третьяковыхъ и Прохоровыхъ.

Въ странѣ, въ которой натуральныя сокровища еще лежатъ

на половину негронутыми, уже выступаютъ всѣ признаки обезземеленія и зарождающагося пролетаріата. Связанный круговой порукой, закабаленный въ равной мѣрѣ сельскому міру и главѣ семьи, права котораго усилены новѣйшими мѣропріятіями, крестьянинъ осужденъ голодать на мѣстѣ или дѣлать ежегодно непроизводительныя затраты времени и средствъ, чтобы на разстояніи нерѣдко пятисотъ верстъ найти высшій заработокъ въ одной изъ черноземныхъ и малонаселенныхъ губерній Новороссіи. Переселеніе за послѣдніе годы сдѣлалось для крестьянина такой-же неотвязной мыслью, какою въ началѣ прошлаго царствованія была мысль о добавочномъ надѣлѣ. Самыя фантастическія представленія о винодѣльныхъ странахъ въ окрестностяхъ Тобольска и о земельныхъ пустыряхъ Кавказа, уже закрѣпленныхъ за Кабардинцами, ходятъ въ средѣ крестьянства; ихъ поддерживаютъ и распространяютъ всякаго рода странники или ищущіе дешевыхъ помощниковъ авантюристы, которые, купивъ землю въ глуши, хотѣли-бы безъ затратъ обезпечить себѣ необходимое число колонистовъ-воздѣлывателей.

Правда, въ средѣ самого крестьянства началось уже естественное зарожденіе того средняго сословія, которое всегда считало въ числѣ своихъ родоначальниковъ рядомъ съ городскимъ ростовщикомъ и сельскаго кулака; но эти скупщики земли и скота, эти съемщики помѣщичьихъ кабаковъ, мельницъ и имѣній являются для мірского поселянина не столько помощниками въ нуждѣ, сколько піявками и паразитами. Всесильные на мірскомъ сходѣ, на добромъ счету у земскаго начальника, становаго, исправника и губернатора, въ глазахъ которыхъ они слывутъ за представителей порядка и добрыхъ малыхъ, всегда готовыхъ на подачки, русскіе міроѣды давно упразднили на дѣлѣ всѣ преимущества общиннаго землевладѣнія.

Даже тамъ, гдѣ продолжаются коренные передѣлы, большинство расплачивается съ кулакомъ, снабжающимъ его деньгами изъ-за чудовищныхъ процентовъ, ничѣмъ инымъ, какъ правомъ пользоваться надѣлами до ближайшей разверстки. При всѣхъ запретахъ выкупать свои доли и обращать общинные паи въ частную собственность, крупное землевладѣніе — если не собственность — съ каждымъ годомъ все болѣе распространяется въ нашихъ селахъ; крестьянинъ, нѣкогда закабаленный помѣщику, становится

въ тѣ же отношенія къ кулаку, при ближайшемъ содѣйствіи волостнаго и губернскаго начальства, интересующагося имъ лишь настолько, насколько онъ представляетъ собою податную единицу. Взятка и казенное вино дѣлаютъ свое дѣло, ускоряя этотъ процессъ крестьянскаго обезземеленія и готовя въ близкомъ будущемъ образованіе пролетаріата въ странѣ, въ которой на одну квадратную милю приходится во сто или въ двѣсти разъ меньше жителей, чѣмъ въ Германіи или Франціи.

Не болѣе отрадную картину представляютъ и наши города.

Если не имѣть въ виду нѣсколькихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, о большинствѣ ихъ придется говорить, какъ о средоточіи всякаго рода гражданскихъ и военныхъ присутствій, не исключая изъ этого числа гимназій и прогимназій. На ряду съ сосѣдними поселянами, исполняющими обязанности домашней прислуги, зерно постояннаго населенія здѣсь составляютъ немногіе ремесленники, занесенные въ цехи, и лавочники, торгующіе по мелочамъ; къ нимъ только на зимовку присоединяются сосѣдніе помѣщики, озабоченные воспитаніемъ дѣтей или ищущіе нѣсколько большаго общенія, чѣмъ то, какое представляютъ ихъ глухіе углы. Всѣ эти чины и разночинцы влачатъ существованіе со дня на день или вѣрнѣе: со срока послѣдняго платежа процентовъ въ банкъ, до роковаго момента, когда въ губернскихъ вѣдомостяхъ появится грозное извѣщеніе о продажѣ ихъ родового или благопріобрѣтеннаго имущества въ виду несостоятельности.

Правда, милость царская сложитъ на время или навсегда недоимки тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли счастье родиться «благороднымп» и народу придется расплачиваться своимъ кошелькомъ за преимущество имѣть родовую аристократію; но и при такой поблажкѣ, помѣщику, хозяйство котораго падаетъ съ году на годъ, частью благодаря собственной безпечности, частью благодаря задолженности, не избѣжать западни, поставленной ему мелкимъ ростовщикомъ или купцомъ — благодѣтелемъ, скупившимъ хлѣбъ на корню, въ надеждѣ воцариться вскорѣ въ барской усадьбѣ. Дѣти захудалаго дворянина рано или поздно пополнятъ собой и безъ того плотные ряды того якобы умственнаго пролетаріата, какой поставляютъ недоучившіеся семинаристы и разночинцы всякихъ профессій, выброшенные изъ школъ по подозрѣнію въ неблагонамѣренности.

Въ то время, какъ немногія торговыя фирмы, разбогатѣвшія отъ той монополіи, какая создана въ ихъ пользу таможеннымъ тарифомъ, скучиваютъ въ своихъ рукахъ имѣнія старой московской знати, эпигоны нѣкогда правившихъ Россіей династій съ жадностью набрасываются на открывшуюся имъ административную карьеру и, въ званіи земскихъ начальниковъ, дискредитируютъ и безъ того не высокую репутацію русскаго дворянства въ средѣ подчиненныхъ имъ классовъ. Всѣ присутствія, не исключая акцизнаго вѣдомства и полицейскаго управленія, запружены въ настоящее время лицами, которыя только записью въ дворянскія книги выдѣляются изъ прочаго ряда недорослей, смотрящихъ на должность, какъ на средство наживы. Такъ какъ жалованье ихъ болѣе или менѣе ничтожно а аппетиты значительны, то неудивительно, если сторонніе доходы составляютъ главную статью ихъ бюджета и если система кормленій, обезславившая собою до-Петровскую Русь, ожила снова въ системѣ чиновнаго взяточничества.

Каково положеніе, созданное среди этихъ грабящихъ и ограбляемыхъ, той соли земли, которую называютъ русской интеллигенціей, опредѣлить не трудно. Ей велѣно не видѣть и не слышать, или во всякомъ случаѣ хранить видѣнное и слышанное про себя, не смущая общественной совѣсти вѣрнымъ изображеніемъ существующаго или картиной порядковъ, въ которыхъ человѣческое достоинство попирается ежеминутно въ интересахъ глупаго изувѣрства и національнаго шовинизма. Стоющая сотенъ тысячъ армія шпіоновъ сдѣлала невозможнымъ свободный обмѣнъ мыслей даже въ тѣсномъ кругу родственниковъ и пріятелей. Свобода совѣсти попирается на каждомъ шагу, и подъ предлогомъ руссификаціи даже передовымъ протестантскимъ сектамъ, вродѣ штундистовъ и молоканъ, навязываются учителя соглядатаи изъ православныхъ. Цензура заглушаетъ въ корнѣ всякое проявленіе желаній, неотвѣчающихъ временнымъ взглядамъ правительства: особый видъ преступленія подъ комическимъ названіемъ «подбора печальныхъ фактовъ» созданъ въ оправданіе разнымъ предостереженіямъ и закрытіямъ, благодаря которымъ большинство періодической печати изъ свободной отъ цензуры обращено въ подвластную ей, а газеты не осмѣливаются признать существованія народнаго бѣдствія, пока на то не послѣдуетъ разрѣшенія свыше. Гимназіи и университеты, особенно провинціальные, запружаются

дѣлающими чиновную карьеру бездарностями; и въ учащейся молодежи все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе, что настоящее знаніе, по крайней мѣрѣ въ сферѣ общественныхъ наукъ, можетъ быть почерпнуто изъ чего угодно, но только не изъ университетскихъ лекцій. Не проходитъ года, чтобы сотни человѣкъ не выбрасывались изъ среды общества безъ суда, путемъ административной ссылки. И одного сочувствія этимъ жертвамъ не рѣдко чисто платоническаго увлеченія общественнымъ благомъ достаточно, чтобы попасть подъ надзоръ полиціи въ число завѣдомо неблагонамѣренныхъ подданныхъ.

Вотъ въ немногихъ словахъ правдивое изображеніе того внутренняго разлада и уже начавшагося разложенія, какое представляетъ намъ современная Россія. Страшно подумать, что станется съ нею при наступленіи тѣхъ неизбѣжныхъ случайностей, какими являются неудачныя войны, голода, эпидеміи и т. п.?

Какой-же, спрашивается, выходъ можно указать изъ современнаго положенія? Ничто, кромѣ радикальной реформы нашего общественнаго и государственнаго хозяйства, нашего административнаго и политическаго строя не можетъ спасти насъ отъ неминуемаго упадка. Пора сдѣлать изъ крестьянской свободы не пустой звукъ, не бросающуюся въ глаза форму, а дѣйствительность. Пора отмѣнить паспортную систему и круговую поруку, Пора дать правильную организацію переселеніямъ и поставить русскаго колониста по крайней мѣрѣ въ равныя условія съ тѣми, въ какихъ находятся нѣмцы, мирно завоевывающіе нашу черноземную полосу и нашу польскую окраину. Когда сельская община будетъ избавлена отъ ига солидарной отвѣтственности передъ сборщикомъ, и крестьянинъ, прикованный къ ничтожному и подчасъ фиктивному надѣлу, пріобрѣтетъ возможность перенести свою дѣятельность въ слабо населенныя и почти не тронутыя обработкой мѣстности, можно будетъ убѣдиться, наконецъ, въ томъ, какой живучестью отличается мірское землевладѣніе и въ состояніи ли оно обойтись безъ той искуственной поддержки, какую оказываетъ ему законъ, запрещающій выкупъ паевъ въ полную собственность. Отмѣна этого закона, какъ и тѣхъ запретовъ, какими остановленъ естественный процессъ семейныхъ раздѣловъ, необходимъ, разъ нами сознана польза свободнаго передвиженія крестьянства изъ густо населенныхъ въ слабо населенныя области. Толь-

ко продажей своего пая въ руки общины или частнаго лица можетъ онъ реализировать тотъ капиталъ, какой необходимъ для первоначальнаго обзаведенія на новой родинѣ. Если намъ дѣйствительно дорого сохраненіе мірскаго владѣнія, то почему не предоставить крестьянскимъ банкамъ права производить мірскія ссуды волостнымъ и сельскимъ управленіямъ, желающимъ присоединить отчуждаемые паи къ району мірскихъ запашекъ?

Тѣмъ самымъ можно было-бы отвратить неизбѣжный въ противномъ случаѣ переходъ отчуждаемыхъ крестьянскихъ надѣловъ въ руки такъ называемыхъ міроѣдовъ, т. е. зарождающагося въ селахъ крупнаго крестьянскаго землевладѣнія.

Не станемъ скрывать истины, признаемъ бьющій въ глаза фактъ, сказавши, что съ отмѣной круговой поруки обнаружится вся несостоятельность нашей теперешней налоговой системы и невозможность своевременнаго поступленія податей съ крестьянъ, земли которыхъ обложены свыше доставляемой ими ренты. Но лучше во время посмотрѣть правдѣ въ глаза, нежели съ года на годъ накоплять недоимки или взыскивать ихъ съ помощью суровыхъ экзекуцій и со страхомъ породить въ ближайшемъ будущемъ повтореніе новаго голода и новыхъ тягостей для обремененнаго и безъ того государственнаго казначейства. Когда экономическое положеніе крестьянства обнаружится во всей своей ужасающей правдѣ, придется. наконецъ, признать необходимость радикальной перемѣны въ существующей налоговой системѣ, отмѣнить сословныя изъятія и признать единицей обложенія не дымъ, а доходъ. Почему-бы тѣмъ, состояніе которыхъ возникло отчасти при содѣйствіи государственнаго тарифа, не принять на себя и большую долю падающихъ на государство тягостей? Очевидно, пока они одни будутъ призываться къ совѣщаніямъ касательно налоговой реформы, министерству финансовъ не видать ничего кромѣ непреодолимыхъ препятствій и грозящаго упадка нашей промышленности. Но вѣдь интересы земледѣлія, которымъ живетъ большинство населенія, очевидно не могутъ оставаться безразличными для правительства такой, по природѣ предназначенной къ сельскому хозяйству страны, какой является наше отечество. Никакая налоговая реформа на можетъ быть раціональной поэтому, пока не выслушаны будутъ обѣ стороны и не примирены ихъ подчасъ противорѣчивые интересы.

Сдѣлать же этого нельзя, не выслушавъ предварительно мнѣнія земскихъ людей, которымъ лучше извѣстно чѣмъ кому-бы то ни было дѣйствительнсе положеніе различныхъ категорій плательщиковъ, на которыхъ должна пасть проектируемая подать.

Но одной налоговой реформой нельзя еще помочь злу. Пора создать въ массахъ убѣжденіе, что ихъ связь съ государствомъ не ограничивается одной уступкой ему лучшихъ хозяйственныхъ силъ въ лицѣ поступающихъ въ армію солдатъ и большей части своего дохода въ формѣ подати. Пора пріучить ихъ къ той мысли, что личное благополучіе гражданина зависитъ отъ государственнаго благосостоянія, а послѣднее отъ того, въ какой мѣрѣ сами они будутъ принимать участіе въ его созданіи.

Но мыслимо-ли все это, пока китайская стѣна раздѣляетъ между собою сословія и крестьянинъ знаетъ «ихъ благородія» только въ лицѣ полицейскаго взяточника и земскаго начальника-драчуна? Возможно-ли это, когда пріостановленъ всякій обмѣнъ мысли и человѣкъ благонамѣренный ставится въ необходимость тяжелаго выбора между велѣніями совѣсти и страхомъ начальства? Возможно-ли это, пока само это начальство узнаетъ мысли и желанія подданныхъ только въ пропущенной цензурою формѣ, или въ видѣ постановленій, дѣлаемыхъ земскими собраніями, въ которыхъ податныя сословія представлены одними одобренными губернаторомъ кандидатами? Возможно-ли это, наконецъ, при отсутствіи всякихъ гарантій противъ произвольныхъ арестовъ и административныхъ ссылокъ? Существеннѣйшій вредъ, порождаемый всѣмъ этимъ правительственнымъ произволомъ, лежитъ не только въ одной гибели согенъ и тысячъ людей, искупающихъ въ тяжкой неволѣ нерѣдко самое искреннее увлеченіе общественнымъ благомъ, людей, которые въ другихъ условіяхъ могли-бы сдѣлаться душою здоровыхъ политическихъ теченій. Онъ лежитъ еще въ томъ, что въ массахъ все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе, что до царя далеко и что между нимъ и народомъ существуетъ средостѣніе, мѣшающее торжеству правды и справедливости на землѣ. Это средостѣніе предсгавляетъ для крестьянина его ближайшій начальникъ, какъ для человѣка либеральныхъ профессій — полиціймейстеръ, губернаторъ, жандармскій полковникъ и цензоръ.

Постепенно и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе начинаютъ ходить не въ однихъ столичныхъ кружкахъ, но и въ глуби-

нѣ провинцій преувеличенные слухи о разныхъ напастяхъ, приготовляемыхъ въ тиши министерскихъ канцелярій: объ отмѣнѣ суда присяжныхъ, земствъ и думъ и о возстановленіи крѣпостнаго права. Кто имѣлъ общеніе съ народомъ, тотъ знаетъ, какъ трудно искоренить разъ вкравшееся въ его душу подозрѣніе. Всякій человѣкъ съ здравымъ смысломъ пойметъ, какое вліяніе можетъ оказать на благополучіе государства то систематическое недовѣріе и то отношеніе къ начальству, какъ къ общественному врагу, которое все болѣе и болѣе овладѣваетъ не однимъ образованнымъ обществомъ, но и массами нашего простонародья. Для этого достаточно вспомнить времена Пугачевщины и болѣе близкіе къ намъ крестьянскіе бунты, предшествовавшіе эмансипаціи.

Когда Александръ III вступилъ на престолъ Петра Великаго и Александра Освободителя передъ нимъ лежали двѣ дороги: или увѣнчать зданіе, прочныя основы котораго положены были недавними реформами, призвавъ народъ къ представительству и обезпечивъ ему свободу мысли, совѣсти и печати: или, наложивъ новый намордникъ на его уста, — произвесть необходимыя реформы собственной властью. Одно время онъ думалъ избрать первый путь и скрѣпилъ своимъ царскимъ словомъ тотъ проектъ созванія свѣдущихъ людей, съ которомъ графъ Лорисъ-Меликовъ думалъ найти выходъ изъ современныхъ затрудненій и средство узнать народныя нужды и желанія изъ прямого источника. Но Александру III-му представили положеніе Россіи въ превратномъ видѣ, выдавая актъ немногихъ террористовъ за заговоръ сильной и могущественной анархической партіи, къ которой причисляли и всѣхъ тѣхъ, кто, за одно съ самимъ покойнымъ государемъ, сознавалъ неотложность «увѣнчать новое зданіе дарованіемъ необходимыхъ вольностей». Въ виду «шатанія умовъ» государь рѣшился подписать свое имя подъ манифестомъ, которымъ отнята была у истинныхъ патріотовъ всякая надежда дѣятельнаго участія въ обновленіи государственнаго строя, въ оздоровленіи его основъ. Тщетно генералъ Игнатьевъ старался вернуть государя къ болѣе справедливой оцѣнкѣ той помощи, какую въ начатомъ имъ дѣлѣ могутъ оказать ему земскіе люди, такъ много сдѣлавшіе для упроченія царствующей династіи. Александръ III остался вѣренъ программѣ, навязанной ему Побѣдоносцевымъ. Религіозныя преслѣдованія и административныя ссылки заступили мѣсто всѣмъ

ожидаемаго призыва общества къ самодѣятельности. Оффиціальные и оффиціозные жандармы, въ лицѣ членовъ такъ называемой охраны, тѣсными рядами окружили его престолъ, фигурируя при случаѣ, какъ напр. во время коронаціи, въ роли православнаго русскаго народа, привѣтствующаго своими кликами воцареніе отца-государя на престолѣ Мономаха. Ни одинъ царскій проѣздъ не обходился безъ выставленія войскъ шпалерами, что въ свою очередь все болѣе и болѣе убѣждало массы въ существованіи того средостѣнія, о которомъ упомянуто выше.

Сердцемъ живя за одно съ народомъ, называя себя при случаѣ «мужицкимъ царемъ», самодержавный государь русской земли такъ мало извѣщаемъ былъ окружающими о его дѣйствительныхъ нуждахъ, что потребовалось цѣлыхъ мѣсяцевъ невѣроятнаго народнаго бѣдствія, чтобы убѣдить его въ существованіи не простого недорода, а настоящаго голода.

Узнавъ глубину народной нужды, онъ отнесся къ ней съ истинно царскимъ великолѣпіемъ и истинно христіанскимъ милосердіемъ. Самой можетъ быть блестящей страницей его царствованія будетъ та раздача ста пятидесяти милліоновъ голодающему крестьянству, которая одна, хотя и поздно, остановила уже готовящуюся катастрофу.

Но голодный годъ и все пережитое русскимъ семодержцемъ въ эту пору имѣютъ еще и другое значеніе. Они показали и силу самодѣятельности русскаго общества и гнилость той чиновной машины, чрезъ которую приводится въ исполненіе монаршая воля и нужды подданныхъ доводятся до вѣдѣнія престола. Государь убѣдился въ томъ, что ему нельзя полагаться на дѣйствительную помощь со стороны его министровъ, департаментовъ и канцелярій, губернаторовъ и губернскихъ правленій. Съ каждымъ годомъ росло его недовѣріе къ тѣмъ орудіямъ, которыми въ дѣйствительности осуществляется это незнающее границъ царское всемогущество. Онъ увидѣлъ бюрократію въ ея настоящемъ свѣтѣ, т. е. озабоченной лишь собственной наживой и торгующей интересами націи ради интересовъ карьеры. Смѣняя министровъ и совѣтниковъ, строго карая нерѣдко ихъ недобросовѣстность и продажность, Александръ III въ послѣдній годъ своего царствованія рѣшился нанести бюрократіи то оскорбленіе, какого представители власти не знали доселѣ нетолько въ монархическихъ, но и въ

республиканскихъ странахъ. Онъ отнялъ у начальниковъ право назначенія подчиненныхъ, т. е. ближайшихъ исполнителей ихъ велѣній, и создалъ особый контроль за порядкомъ опредѣленія на службу. Не имѣя болѣе въ строгомъ смыслѣ слова совѣтниковъ, государь сдѣлался своимъ собственнымъ министромъ. Цѣлые дни проходили въ чтеніи всякаго рода рапортовъ и донесеній и въ тщетныхъ усиліяхъ открыть истину за скрывающей ее официальной ложью. Эта канцелярская работа, по единогласному отзыву врачей, подготовила его ранній конецъ и онъ поплатился жизнью за нежеланіе понять ту простую истину, что можно быть самодержавнымъ, но нельзя быть всевѣдущимъ.

Неужели этотъ урокъ пропадетъ даромъ для того молодого правителя, котораго народная любовь окружаетъ съ самаго восшествія на престолъ, ожидая отъ него исполненія обѣщаній, уже данныхъ его дѣдомъ. Неужели временщики и на этотъ разъ закроютъ глаза государю на необходимость укрѣпленія его престола болѣе тѣснымъ общеніемъ съ народомъ? Неужели и онъ впадетъ въ роковую ошибку, считать чиновниковъ лучшими выразителями народныхъ нуждъ и желаній, нежели лицъ, выбранныхъ самимъ народомъ и облегченныхъ его довѣріемъ?

Мы не можемъ допустить этого ни на минуту. Мы увѣрены, что, знакомый съ порядками европейскихъ государствъ, доступный всѣмъ великодушнымъ порывамъ, Николай II не откажетъ въ признаніи совершеннолѣтія за націей и призоветъ избирателей уѣздныхъ земствъ къ посылкѣ свѣдущихъ людей въ его думу. Этимъ свѣдущимъ людямъ слѣдовало-бы предоставить выработку того проекта органическаго закона, которымъ положено было-бы начало правильному представительству, участію народа въ составленіи бюджета и установленію тѣхъ необходимыхъ гарантій личной свободы, безъ которыхъ немыслимо мирное развитіе стомилліонной имперіи. Пользуясь совѣтомъ освобожденной отъ цензуры печати, эти свѣдущіе люди могли-бы положить прочныя основы тому единенію общества и власти, тому взаимному довѣрію управляющихъ и управляемыхъ, которое издавна составляетъ завѣтный идеалъ всѣхъ русскихъ патріотовъ, безъ различія партій.